

ЖЕЛЕЗНЫЙ

ГОРОД

7. РОМАНОВА

Елена Романова

Железный город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68819793

SelfPub; 2023

Аннотация

В Железном городе холодно и пахнет ржавым металлом, а за тяжелыми воротами на дальних подступах стоит смертоносная Тьма. Поезда, в которых никто не едет, приходят ниоткуда и уходят в никуда, и даже смотреть на них запрещается, чтобы не навлечь беду на Город – не призвать в него Тьму. Но разве можно запретить мечтать? Девушка, в доме которой множество книг, думает, что там, за границами заледеневшего Железного города, не Тьма и Смерть, а Свет и Тепло: большой прекрасный мир... Однажды она дерзнет проверить это.

Елена Романова

Железный город

1

Юг пробиралась сквозь липкую ледяную метель к дому Нёры.

Снег, снег, снег...

Он жег щеки и веки. Kleил ресницы. Юг куталась в полы тонюсенького пальто, задрав воротник к ушам и сжав в кулаки онемевшие пальцы. С губ срывались белесые лоскутки пара и тут же сметались ветром. Ее трясло. Она протянула руку в поисках опоры и вцепилась в ограду моста – пальцы звякнули о железо, как стеклянные. Из-под ног повторялось трубное: «Поезд триста тринадцать отправляется с девятой платформы. Покинуть зону отправления». Юг оглушил протяжный свист – поезд хлынул под мост, словно поток.

На окраине Города, в глубокой сумрачной дали, великие Стражи разомкнули веки и, подцепив железную стену крюками, потянули наверх – наросты снега повалились с ворот на землю, обнажая уродливые потеки ржавчины.

Поезд ушел во Тьму.

Грохот и скрежет стихли: без них словно бы опустел сам воздух, тишина вернулась в Город, как распрямившаяся пружина. Стражи опустили врата на землю и вновь погрузились

в зыбкую дрему.

Юг оторвалась от перил и оглянулась, пряча озябшие пальцы в рукава: позади нее на мост поднимались два вёрха.

Юг поспешила сойти с моста.

2

Никто в Городе не знал, куда уходят составы. Поезда прибывали и отбывали: из ниоткуда и в никуда. Нельзя было купить билет – касс не существовало. Стать пассажиром – чистай: нарушить закон. С рожденья всем внушалось, что за Городом – Тьма, и уйти в нее – все равно, что впустить. Жители не смели покинуть Город, они страшились Тьмы, боялись провожать уходящие составы даже взглядом. Тех, кто осмеливался, отслеживали вёроны. Имена любопытствующих заносились в черные книги. Их вызывали на допросы, но, как правило, все, кто решался приглядываться к вратам, вовсе не желали покинуть город, но цепенели, сами не зная от чего. Когда же преступников отпускали, давая время исправиться, они уже никогда более – до самого конца – не смели взглянуть на состав, пусть и недвижимый. Даже коптящие и путивцы, долгом прикованные к Дороге – самые бесстрашные жители Города – покидали пути и вагоны за девять минут до отправления, и ничто не могло удержать их даже на миг сверх безопасного времени.

Когда Юг подошла к дому, все ее внутренности, вымытые ветром, уже покинули тело: остался лишь снег. Тяжелая дверь подъезда, криво висящая на одной петле, раскатисто закрипела после того, как Юг потянула ее одной, а потом и двумя руками. Дрожа каждой косточкой, на непослушных онемевших ногах она кое-как поднялась на этаж, беспamięтно, будто во сне. Черета нескончаемых лестниц и одинаковых дверей закончилась перед Нориной, которую Юг едва не пропустила. Она постучала, чуть не разбив ледяную руку, и прижала к губам закровившую трещинку на костяшке. Жуткий скрип прорезал тишину – дверь отворилась. Юг застыла на пороге, испугавшись пустоты покинутых комнат.

«Нора...» – позвала она.

Нора...

Юг вошла в дом, и ее лизнуло родное тепло – привычный запах душистых трав. Она дважды повернула замок и позвала еще раз: «Нора! Где же ты?»

Тихо. Пусто. Чисто. Кованая кровать аккуратно застелена, тугое покрывало – как железный лист.

Юг прошла на кухню. На исцарапанном блестящем столе с проржавевшими плачущими болтами светлели тарелка, обернутая полотенцем, хранящим тепло незатейливой Нориной стряпни, и записка. Юг подняла со скатерти сложен-

ный лист, развернула его и прочла на сгибе:
«Я вернусь».

4

Смеющееся лицо Норы парило над Юг все то время, пока она уходила в сон. Смеющееся лицо Норы, смеющиеся волосы Норы, смеющиеся глаза Норы... заслоняли от колкого страха. Но, когда грезы рассеялись, точно туман над Лугами, в сердце Юг пришел злой кошмар.

Ей снился поезд, пришедший из Тьмы. Черная склизкая жижа лезла из окон вагонов, ползла по стенам. Коптящие в ужасе закрывали рты руками и отступали прочь. Сначала медленно пятились, не в силах отвезти глаз от страха, но вот первый из них побежал, и за ним ринулись другие. Они давили друг друга, стеная: «Она вернулась! Она вернулась! Она вернулась...» Путивцы пытались остановить копящих, пока Тьма давила на окна, что сдерживали ее. Зловещий треск стекол заставил застыть всех.

Крикам отчаяния не было конца.

Юг шла сквозь промасленную толпу к вагонам, полным сияющего угля, темная кровь текла по путям и поднималась к платформе. «Нора? – прошептала Юг. – Нора...» Вязкая жижа ринулась в Город. Тьма подступила к ногам Юг и замерла, словно обнюхивая.

Юг неловко попятилась – Тьма нежно коснулась носков

тяжелых башмаков. Юг попросила: «Нора, стой! – но не смогла расслышать собственных слов. – Пожалуйста». Слезы теснили уголки глаз, размывая границы мрака. Темное лицо Норы плыло перед глазами, покачиваясь в мутной соленой влаге. По щекам Юг лились густые, вязкие капли.

Она распахнула глаза, усилием воли приказав им оставаться открытыми. Кошмар висел над ней, как непроницаемая крышка железного гроба.

«Нора...» – чуть слышно прошептала Юг и расплакалась.

5

Нора была немотом и не могла говорить с рождения, но знала столько слов, что Юг не каждое понимала. Они общались жестами и записками. Нора рассказывала о книгах, которые читала, разыгрывая беззвучные спектакли – ее красивые и гибкие руки превращались в ветви деревьев, в паруса кораблей, в легкие платья, в голоса.

Книг в доме Норы было великое множество, они скапливались даже в ванной. Нора звала их «утопленниками», потому что роняла в воду, и книги раздувались, словно многослойные пироги.

Нора, Нора...

Она сидела в воде часами, почитая ее за кровь, что течет

с этой стороны кожи. Отними у нее влагу – и Нора высохла бы. Как любой немот. Но была ли Нора любимым немотом?

Она часто ходила к реке: слушать воду из-подо льда. И, если та ей не отвечала, могла часами бросаться снежками или кататься с гор. Ее веселье было безудержно и беззвучно – *смеющиеся глаза Норы* – но когда она падала на замерзшую реку раскрытыми ладонями, всегда исчезала. Юг порой не могла сдержать усмешки, так это было внезапно, почти комично. Но иногда ей становилось страшно: уходящая Нора пугала ее. Хоть Юг привыкла ждать. Она озиралась по сторонам, невольно выискивая глазами воронов. Ее тревожило, что нельзя делать то, что делает Нора...

Однажды, увидев кружившую вдалеке масляно-черную птицу, Юг испугалась и окрикнула Нору, но та не очнулась. Юг положила руку ей на плечо – Нора открыла глаза, полные воды. Юг отпрянула.

«Она не может стать Тьмой, не может! Только не Нора», – думала Юг, вновь забываясь тревожным сном, похожим на стук колес, от которого ее веки и руки мелко подрагивали.

6

Свет царапнул когтем глаза и остался в ране, словно осколок. Юг не могла больше видеть снов в наступившей белой пустыне, она скинула влажную простыню рывком, и та повисла на краю кровати, как драпировка.

Болезнь ушла этой ночью вместе с черными снами.

Юг лежала на кровати, похожая на вилку, – безвольно вытянув руки и ноги, выпучив сухие глаза, надеясь прозреть.

Кровать Норы низкая.

Нора...

Юг широко зевнула и потерла кончиком пальца правое веко, а под ним и глазное яблоко: смотреть стало противно из-за темного пятна, отпечатавшегося где-то внутри, но скоро и оно рассеялось, как ночной ужас.

Она отправилась в ванную, где подняла с пола еще влажную книжку – «Сонеты», отложила на стопку других утопленников и, наполнив водой ладони, протерла ими лицо, как полотенцем.

Разожгла огонь в маленькой печке на кухне, поставила на плиту чайник и, когда вода закипела, бросила в пузыри горстку трав из мешка. Сморщенные лепестки и листья кружились в бурлящей воде как в омуте, и прохладный воздух оставленного дома наполнялся до боли знакомым сладостно-горьким запахом Лугов, куда Нора отправлялась в середине каждого лета. Редко кто бывал там, жители не любили зелени, им нравилось железо, которым питался Город, и Норе часто приходилось брести по пояс среди нетронутых стеблей, проминая узкую тропу. Иногда она брала Юг с собой, и они долго-долго ехали в трамвае, пока из вагона не исчезали

все пассажиры, а потом долго-долго шли с остановки, которой никто никогда не пользовался.

Юг сняла чайник с огня – вода, словно всхлипывая, опала – и вылила отвар в поцарапанную железную кружку.

– Нора! – послышалось из-за двери вместе с пугающим стуком. – Ты что, заболела? Открой!

Сердце Юг перестало стучать, она замерла, чайник повис в безвольной руке, так что брызнувшая на пол вода ужалила кожу.

Юг сжала губы, чтобы сдержать стон.

– Нора, ты там? – не унимались за дверью.

Тишина. Звуки шагов. Стихли на лестницах и зазвучали на улице.

Юг побоялась подойти к окну, чтобы рассмотреть: кто же это был?

7

Вскоре голос из-за двери зазвучал внутри. Вместе с ним пришли верх, ключник и еще один немот. Дом Норы был осквернен.

Когда нужная отмычка вошла в замок и механизм повернулся один раз, Юг уже закрывала изнутри дверцу шкафа возле кровати.

Грохот собственной крови оглушил Юг, она боялась ды-

шать, ей пришлось терпеть боль в ноге, неудачно подвернувшись в спешке.

Голос из-за двери никак не мог понять: «Что это за запах? Откуда запах?» Он кружил по комнате, и суетные каблук отстукивали смертный приговор, будто на печатной машинке. Верх молчал. Ключник баюкал в руке связку звенящих отмычек, с его обуви осыпалась и скрежетала под подошвами песчаная крошка. Немот был тих и грустен, он сочувственно оглядывал книги Норы, касаясь пальцами то одной, то другой, и потянул было красный корешок, но под ледяное «Ничего не трогать!» замер.

Книга осталась стоять на полке.

– Сколько дней, говоришь, ее нет на фабрике? – наконец поинтересовался верх. Вопрос задали немоту, и Юг не смогла разобрать – сколько. Нога страшно затекла и как будто исчезла. Больше всего она боялась, что вот-вот все услышат, как разрывается ее сердце.

– Ну, как видно, она не больна, и дома ее нет. Но чайник теплый.

Шкаф отворился – звук одновременно сдвинутых вешалок вырвал из груди сердце. Дверь захлопнулась – и этот новый звук вернул сердце, но не на место, а в горло, где оно забилося с утроенной скоростью. Чья-то рука заставила петь пружины, металлические пластины плаща верха коснулись

тумбочки возле кровати. Голова Юг кружилась до тошноты, она словно раздулась и стала всей комнатой, считывая каждый звук оголенным нутром. Голос стрелял прямо в нее, ей даже казалось, будто она видит суровое лицо верха сквозь тонкую железную дверцу укрытия.

– Не пищи, немот! Спустим птиц, они отыщут ее. Никто не уходит из Города. Никто!

– А если она во Тьме... – голос ключника оказался таким же сыпучим, как его обувь.

– Во Тьме? Никто не может уйти во Тьму, никто! Посмешь еще раз высказаться так опрометчиво, – звук упавших на пол ключей, чудовищный упругий скрип ткани и натянувшейся кожи, звон пластин...

8

Юг выломала себя из шкафа и обрушилась на пол – ноги ее все еще оставались внутри железного ящика. Она отползла подальше, помогая себе локтями, в надежде выпрямить бесчувственные конечности. Запустила руку в карманы платья и из левого вытащила записку.

Я вернусь.

Но куда возвращаться? Город не простит бегства.

Бумага жгла руку.

Бумага жгла сердце, что плясало в груди танец прощания.

Танец смерти.

Она знала, что Нора ушла во Тьму и никогда не вернется. Она предала Юг. Бросила ее. Солгала ей.

Юг зло теребила записку – белый пух бумажного снега летел на подол. Но ведь Нора звала ее за собой. Это Юг не хотела идти во Тьму, она боялась ее больше, чем верила Норе.

Нора...

Она всегда подглядывала за поездами, следила за Тьмой, пока острокрылые вороны не начинали кружить над ней. Однажды верх остановил ее, устроив допрос прямо на улице, говорил с ней, а она отвечала – верхи слышат немотов, они *все* слышат. Нора солгала ему... Она это умеет. И верх отпустил ее.

Стоило ли рассказать ему правду?

Нора верила, что нет никакой Тьмы, что там – за стеной, куда уходят поезда – целый мир, огромный, светлый, теплый, не то что их собственный, ржавый и ледяной, и, может быть, *там*, за стеной, немоты тоже могут произносить слова, и кричать, и петь, и говорить без умолку... «Зачем тебе это, Нора? – думала Юг, когда та писала об этом и ждала ответа. – А вдруг Тьма проглотит тебя. Меня. Нас. Послушай, это же пустая мечта! Ухватить ее – все равно что снег на ладони спрятать. А как же я? Я слышу тебя и жду, что ты скажешь! А там, кто будет *там* ждать, *что* ты скажешь?» Нора не ответила, она встала со стула и поставила чайник под кран –

ледяная струя била ее по руке, вода набиралась медленно, разлетаясь по сторонам. Редкие капли попадали на дно.

«Зачем тебе это, Нора?» – думала Юг, лежа на холодном полу остывшего дома.

9

Кровь в ногах проснулась, Юг почувствовала боль и холод и, поднявшись, сбросила с платья белую пыль пустых обещаний – крошки осели на пол непролитыми слезами.

Она подошла к окну, оглядывая то же, что и Нора изо дня в день, запоминая и само окно, и железные гаражи за ним, и снег, и еще снег, и скрежет лопаты, скребущей металл Дороги...

Черная птица рухнула с неба на подоконник – дикий визг когтей, всполохи крыльев, блестящий, точно натертый воском огромный клюв, глаза – остывшие угли.

Попалась.

Юг ударила раскрытой ладонью в стекло, надеясь прогнать птицу, та встрепенулась, тяжело повисла в воздухе, а потом поднялась в небо, унося в себе новость.

Юг выбежала из подъезда, на ходу кутаясь в пальто, она озиралась по сторонам – ужас гнал ее по ржавому льду пустых утренних улиц. Птицы поднимались прочь с проводов. «Они знают, все знают...» – бессвязные мысли неслись в голове, шумя громче поезда. Юг больно стукнулась обо что-

то... вязкий масляный запах – коптящий.

– Тьма тебя побери!

Юг бежала, бежала без оглядки, пока огромное черное крыло не заслонило небо над ней. Все птицы Города нависли над Юг, провожая к перрону. Невыносимое карканье оглушило вокзал, коптящие подняли головы вверх, путивцы, опустив руки-ключи, смотрели в небо, верхи обступали со всех сторон, зажимая в кольцо, как стены Города. Птица вцепилась в плечо железной хваткой. Юг отбивалась руками, как крыльями. Ворон кричал ей в ухо и клевал в шею: «Больно, мне больно, пусти!» – плакала Юг, и из глаз ее сочилась сама Тьма.